ТУРАЕВА Мадина Октамовна

Доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник

Институт экономики РАН

117218, РФ, г. Москва, Нахимовский проспект, 32

Контактный телефон: (499) 129-09-77

e-mail: 319@transecon.ru

ГЛИНКИНА Светлана Павловна

Доктор экономических наук, профессор, научный руководитель направления
«Международные экономические и политические исследования»

Институт экономики РАН

117218, РФ, г. Москва, Нахимовский проспект, 32

Контактный телефон: (499) 129-09-77

e-mail: 319@transecon.ru

ЯКОВЛЕВ Артем Александрович

Младший научный сотрудник

Институт экономики РАН

117218, РФ, г. Москва, Нахимовский проспект, 32

Контактный телефон: (499) 129-09-77

e-mail: 319@transecon.ru

Каналы проникновения китайского капитала в республики Центральной Азии в рамках инициативы «Один пояс – один путь»

Исследование направлено на оценку масштабов реального присутствия капитала КНР в экономике стран Центрально-Азиатского региона. Анализируются традиционные и новые каналы, которые Китай использует в рамках инициативы «Один пояс – один путь» для расширения своего присутствия в Центральной Азии. Методологической базой работы являются классические и современные концепции экономической науки. Решение поставленных задач обусловило использование междисциплинарного подхода, научного аппарата смежных дисциплин, а также общих и специфических приемов исследований, направленных на выявление торговых и неторговых каналов проникновения китайского капитала в регион. Особое внимание в статье уделено проблемам статистического учета реальных масштабов рассматриваемого явления. В результате исследования выявлено, что наращивание взаимодействия по каналу торгового сотрудничества номинально замедляется. На смену ему приходят новые технологии, охватывающие приобретение контрольных долей в ключевых региональных компаниях, ЕРС-контракты на инфраструктурное строительство, аутсорсинг крупных западных ТНК, обладающих собственной сетью филиалов и достаточной административно-управленческой базой в странах региона и т. д. Сделаны выводы относительно состояния долгового бремени стран Центральной Азии перед Китаем.

JEL classification: F20, L70, P52

Ключевые слова: государственный долг; ЕРС-контракт; торговля; природные ресурсы; инфраструктура; Центральная Азия; Китай; инициатива «Один пояс – один путь».

Введение

После распада СССР Россия предпринимала многочисленные, но малоэффективные попытки интегрировать государства постсоветского пространства. Среди внешних вызовов проектам с участием России на территории бывшего СССР реализуется ряд конкурентных интеграционных проектов. Их инициаторы приложили значительные усилия, чтобы материализовать в данной части мира свои геополитические и геоэкономические интересы.

Особенностью постсоветского пространства является то, что географически оно объединяет территории Европейского, Закавказского, Центрально-Азиатского регионов (ЦАР). Один из основателей регионалистики У. Айзард писал, что его теория¹ и экономическая теория настолько далеки друг от друга, как Солнце и самая удаленная от него планета Солнечной системы [8. Р. 1–15]. Однако практика последних лет в условиях все более актуализирующихся геополитических реалий доказывает, что при планировании долгосрочных экономических стратегий нельзя сбрасывать со счетов регионы.

Совместно с Белоруссией и Казахстаном России удалось осуществить прорыв в интеграционном направлении. На базе Таможенного союза трех государств (2010 г.) и Единого экономического пространства (2012 г.) в 2015 г. был создан Евразийский экономический союз (ЕАЭС), к которому присоединились Армения и Киргизия. В настоящее время ЕАЭС один из самых успешных региональных интеграционных проектов на постсоветском пространстве. Более мощной и стремительно набирающей обороты инициативой, объединяющей значительную часть евразийских государств, стала Китайская интеграционная инициатива, официально заявленная в 2013 г.

Цель статьи заключается в попытке оценить масштабы реального присутствия КНР в Центрально-Азиатском регионе постсоветского пространства. Для реализации цели статьи необходимо рассмотреть явные признаки проникновения китайского капитала и неявные механизмы, используемые для наращивания присутствия Китая в экономике стран региона.

Стратегическое партнерство как основа продвижения китайской инициативы

Оригинальное название проекта дословно переводится с китайского как «один пояс по одной дороге». Русскоязычный сегмент исследователей, экспертов и журналистов использует несколько вариантов обозначения этого проекта: «Один пояс – один путь» (ОПОП), «Инициатива пояса и пути» (ИПП), «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭППШП). Некоторые источники, приводящие аббревиатуру ЭППШП, имеют в виду инициативу ОПОП в целом, а не только сухопутную ее часть. В англоязычной литературе название One Belt One Road Initiative (ОВОР) сменилось официальной аббревиатурой BRI (The Belt and Road Initiative – Инициатива пояса и пути). Поскольку официальных названий стратегии в русском языке пока не принято, мы будем пользоваться аббревиатурой ОПОП, которая наиболее близка по смыслу оригинальному китайскому названию.

Э. Икономи и М. Леви [5. Р. 3–20] пишут, что, находясь в непрекращающемся поиске по всему миру ресурсов (от источников энергии и сырья до земли и воды), Китай решает свои задачи всеми доступными средствами: международной торговлей, инвестицией, политическими маневрами и военными действиями. Стремительный экономический рост, успехи внутренних реформ, расширяющийся средний класс, растущий уровень внутреннего потребления и неизбежный беспрецедентный спрос на природные ресурсы подвигли Китай на масштабный проект, реализация которого могла бы решить внутренние экономические проблемы. Отметим, что в стремлении

¹ Location theory and regional development.

использовать внешние факторы для решения внутренних задач Китай во многом заимствует опыт послевоенной Японии¹.

Экономическая мощь Китая явилась объективной основой для усиления взаимодействия между ним и соседними странами. Особой зоной интересов стали постсоветские государства Центральной Азии (ЦА). Предваряя рассмотрение ЦА как отдельной пространственной единицы, развивающей экономические отношения с Китаем, напомним о многолетней научной дискуссии по поводу границ ЦА, возможности использования этнического, технического, территориального и других подходов к определению состава стран, которые следует относить к региону [2]². Странам ЦА присущи как общие черты, так характерные только для конкретно взятого государства данного региона. Анализ происходящих в странах региона изменений, даже на уровне некоторых обобщений, углубят представление о том, насколько это политико-географическое пространство может влиять на перспективы развития и реструктуризации евразийского пространства в целом. Такой анализ важен и потому, что проекты, которые уже многие годы реализуются в регионе китайскими инвесторами или с привлечением китайских инвестиций, собраны «под зонтиком» инициативы ОПОП [4; 6. С. 1–19].

В первые годы после развала СССР, когда в ЦА широкое присутствие западных институтов и влияние их на политические процессы в странах региона было значительным, китайский интерес к региону объяснялся, в первую очередь, интересами обеспечения безопасности. Обеспокоенность Китая сменой коммунистического правления у его границ, ситуацией в Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР), контролем над своими западными провинциями, миграцией уйгурского населения и т. п. привела к созданию на основе «Шанхайской пятерки» Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Наиболее важными партнерами Китая в сфере безопасности на постсоветском пространстве, помимо России, стали Казахстан, Киргизия и Таджикистан³.

В результате многолетнего тщательного выстраивания отношений со странами региона были созданы устойчивые и многофункционально полезные для Китая связи в ЦА. В дальнейшем вектор в вопросах безопасности сменился. Если раньше приоритетным было сдерживание конфликтов на территориях, граничащих с ЦА, и защита, в первую очередь, СУАР от импорта революций, то сейчас важными оказались вопросы обеспечения безопасности осуществленных в регионе инвестиций и гарантии реализации проектов ОПОП. Вероятно, это в какой-то мере объясняет постепенную утрату активного интереса КНР к ШОС.

После запуска инициативы ОПОП, во время последовавшего за этим «Центрально-Азиатского турне» Си Цзиньпина (2013 г.), статус двусторонних отношений КНР со странами ЦА повысился до уровня стратегического партнерства. Этот формат партнерства развивается: республиками подписываются новые соглашения и договоры, еще больше углубляющие взаимоотношения ЦА с китайской экономикой:

- в Казахстане стандартно уложенное в дипломатический обиход «стратегическое партнерство» в 2016 г. перешло на новый уровень – сопряжение национальной стратегии развития (Нурлы жол) с китайской стратегией ЭППП;

¹ Японские корпорации, используя правительственную поддержку и финансы, с 1967 г. начали масштабное инвестирование в добычу нефти на Ближнем Востоке. К 1980 г. 45% японского импорта приходилось на ресурсы, либо находящиеся в собственности, либо иным образом контролируемые (через долгосрочные контракты на покупку) японскими фирмами.

² См. также: Улуния А. «Большая Центральная Азия»: Геополитический проект или внешнеполитический инструмент? / Информ. агентство «Фергана». URL: <http://www.fergananews.com/article.php?id=5655>.

³ Будущее Шанхайской организации сотрудничества: как его видят в Москве, Нью-Дели и Пекине / А. Габуев, С. Raja Mohan, Д. Тренин, Р. Haenle; Московский центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/commentary/71257>.

- в Киргизии в 2014 г. подписан двусторонний договор о дальнейшем углублении стратегического партнерства;
- в Таджикистане в 2017 г. подписано заявление глав государств об установлении отношений всестороннего стратегического партнерства;
- в Туркменистане стратегическое партнерство укреплено Договором о дружбе и сотрудничестве 2014 г.;
- в Узбекистане в 2014 г. отношения были подняты до уровня всестороннего стратегического партнерства.

Динамика товарооборота Китая

Традиционно каналами экономического проникновения Китая в страны ЦА считались торговля и кредитная активность. Однако к настоящему времени китайскими институтами разработаны и опробованы более сложные и тонкие схемы вхождения в регионы своих интересов, к каковым бесспорно относится и ЦА. Некоторые каналы проникновения к настоящему моменту недостаточно изучены, многие трудно отследить, если пользоваться традиционной международной торговой статистикой и данными системы национальных счетов (СНС). Анализируя каналы влияния, мы попытались разобраться и с рядом новых схем, позволяющих на основе новых или косвенных показателей оценить масштабы реального китайского экономического присутствия в ЦА.

Первым (традиционным) каналом экономического проникновения является внешняя торговли Китая со странами ЦА, ставшая главным инструментом реализации стратегии освоения постсоветского пространства на начальном этапе. Экспортные и импортные доли Китая выросли во всех странах ЦА. Китай превратился в главного торгового партнера Казахстана и Туркменистана, второго по величине для Узбекистана и Киргизии и третьего по величине для Таджикистана.

Логично предположить, что динамика внешнеторговых показателей после декларирования в 2013 г. ОПОП и включения в эту инициативу стран ЦА должна была демонстрировать лишь позитивные результаты. Тем не менее данные последних лет свидетельствуют об обратном. В 1992 г. общий товарооборот Китая с регионом составлял 460 млн дол., в 2012 г. показатель достиг почти 46 млрд дол., увеличившись в 100 раз¹. Однако после пика 2012–2013 гг. товарооборот большей части стран ЦА с Китаем сократился (рис. 1).

Рис. 1. Динамика товарооборота КНР с государствами ЦА в 2000–2017 гг., % к ВВП²

¹ The construction of the Economic Belt along the Great Silk Road will be the driving force for comprehensive cooperation in Eurasia // Xinhua News Agency. October 24, 2013.

² Рассчитано по данным UN Comtrade (http://comtrade.un.org/); Worldbank (http://www.worldbank.org/).

Рис. 2 показывает, что рост китайского импорта в регионе после 2012–2013 гг. в целом имеет тенденцию к снижению во всех странах, кроме Таджикистана.

Рис. 2. Динамики импорта стран Центральной Азии из Китая в 2000–2017 гг., % к ВВП¹

Динамика экспорта из стран ЦА в Китай наглядно отражает спад объемов после 2012 г. (рис. 3).

Рис. 3. Динамика экспорта стран Центральной Азии в Китай в 2000–2017 гг., % к ВВП²

В предыдущих исследованиях мы рассматривали поворот в торговле постсоветских стран от России к Китаю. Сравнивая 2000 и 2012 г., мы отмечали многократное увеличение доли Китая в товарообороте в целом, а также в экспорте и импорте отдельных товарных групп в частности [1. С. 8–14]. Обращение к последним данным внешнеторговой статистики показывает, что после рекордов 2012 г. в развитии торговых отношений стран ЦА с Китаем появляются новые тенденции (табл. 1).

Сырьевой экспорт в Китай, доля которого в общем объеме экспорта сырья из стран ЦА в 2012 г. составляла почти четверть, к 2017 г. сократился до 10,4%. Объемы экспорта готовой продукции из ЦА в Китай и Россию почти сравнялись, достигнув 27,4

¹ Рассчитано по данным UN Comtradedata (<http://comtrade.un.org/>); Worldbank (<http://www.worldbank.org/>).

² Там же.

и 26,4% соответственно. Стабильный рост за рассматриваемый период сохранили экспортные поставки сельхозпродукции из стран ЦА в Китай (5,8% в 2017 г.) и в Россию (11% в 2017 г.).

Таблица 1

**Показатели торговли стран Центральной Азии с Китаем и Россией,
% к валовому экспорту/импорту товарной группы**

Показатель	2001	2008	2012	2017
Экспорт сельхозпродукции в Китай	1,0	1,0	2,9	5,8
Экспорт сельхозпродукции в Россию	50,1	20,4	8,7	11,0
Сырьевой экспорт в Китай	6,0	9,6	24,8	10,4
Сырьевой экспорт в Россию	12,4	6,0	5,1	7,7
Экспорт готовой продукции* в Китай	1,4	5,8	23,1	27,4
Экспорт готовой продукции* в Россию	40,0	27,8	31,7	26,4
Импорт сельхозпродукции из Китая	4,7	7,6	8,0	7,1
Импорт сельхозпродукции из России	24,0	18,9	17,0	19,2
Сырьевой импорт из Китая	2,2	14,0	13,7	12,0
Сырьевой импорт из России	50,9	53,5	54,8	59,2
Импорт готовой* продукции из Китая	3,5	18,0	23,7	21,5
Импорт готовой* продукции из России	28,3	23,4	24,1	31,0
Импорт продукции легкой промышленности из Китая	10,3	82,3	64,1	46,4
Импорт продукции легкой промышленности из России	27,9	23,0	22,4	24,1

Рассчитано по: The International Trade Centre. Trade statistics for international business development. «Bilateral trade between Central Asian Republics and China, 2001–2017»; «Bilateral trade between Central Asian Republics and Russian Federation, 2001–2017» (<https://www.trademap.org/>); UN Comtrade Database (<https://comtrade.un.org/>).

* Готовая продукция: пищевая промышленность; химическая промышленность, пластмасса, резина, каучук; легкая промышленность; машины и оборудование; транспорт и оборудование; аппараты, инструменты, различное оборудование; оружие и боеприпасы; их части и принадлежности; промышленные товары.

Анализ динамики импорта в ЦА из Китая и России, показывает, что, по сравнению с 2012 г., поставки агрегированной готовой продукции из Китая в 2017 г. сократились с 23,7 до 21,5% от общего объема экспортной группы. По импорту в ЦА товаров легкой промышленности лидерство Китая сохраняется, однако объемы существенно сокращаются. В 2008 г. из Китая в регион импортировались 82,3% товаров легкой промышленности, в 2012 г. – 64,1%, в 2017 г. – 46,4%.

Отталкиваясь от приведенных данных, можно сделать вывод: активность внешней торговли Китая со странами ЦА постепенно идет на спад, но это не только не соответствует действительности, но и противоречит динамике реализации стратегии ОПОП в регионе, которая набирает обороты. На наш взгляд, отрицательная динамика торговли Китая с ЦА доказывает лишь то, что присутствие Китая в регионе перешло на новый качественный уровень: значительным потокам товаров из Китая и сырьевым ресурсам из ЦА не нужно физически пересекать границы, поэтому часть оборота не отражается в международной торговой статистике.

Косвенно этот тезис подтверждается сравнением показателей ВВП и ВНД¹ за 2016 г. (табл. 2).

¹ ВВП – валовой национальный продукт (Gross Domestic Product – GDP); ВНД – валовой национальный доход (Gross National Income – GNI), ранее назывался ВВП – валовой национальный продукт.

Таблица 2

ВВП и ВНД стран ЦА в 2016 г., млн дол.

Страна	ВВП	ВНД	ВВП – ВНД	(ВВП – ВНД) / ВВП × 100%
Казахстан	137 278,30	124 473,70	12 804,7	9,3
Киргизия	6 551,29	6 288,32	263,0	4,0
Таджикистан	6 951,66	8 165,21	–1 213,6	–17,5
Туркменистан	36 179,89	34 425,86	1 754,0	4,8
Узбекистан	67 220,34	68 546,74	–1 326,4	–2,0
<i>Всего:</i>	254 181,48	241 899,83	12 281,7	

Рассчитано по данным World Bank (<https://data.worldbank.org>).

Совокупный ВВП по ЦА превышает совокупный ВНД на 12,3 млрд дол., причем основной вес в показателе приходится на крупнейшую экономику региона – Казахстан. В 2016 г. стоимость продукции, произведенной на территории Казахстана, превысила стоимость продукции, произведенной факторами производства, которые принадлежали казахстанским резидентам, почти на 13 млрд дол.

Неторговые каналы проникновения китайского капитала в регион

Второй канал экономического проникновения Китая в регион реализуется приобретением в собственность национальных факторов производства. Задолго до провозглашения ОПОП Китай инвестировал в ЦА значительные ресурсы. Так, с 2005 по 2017 г. он приобрел доли в нефтегазовых, угольных, металлургических, транспортных, строительных, финансовых компаниях ЦА на 20,6 млрд дол.¹. Основная сумма этих вложений пришлась на Казахстан (18,4 млрд дол.). Китайскими корпорациями были приобретены полностью компании Caspian Nature Resources (нефть), KoZhan (нефть). С 2005 по 2017 г. была выкуплена значительная доля в энергетических компаниях (PetroKazakhstan, Tarbagatay Munay, Mateng Petroleum, Caspian Investment Resources), в банке Halyk Bank (60%), в строительной компании Darnak (70%), металлургической компании Kazakhmys (49%) и др.

Казахстан в 2009 г. стал страной, где доля акционерного капитала национальных нефтяных компаний Китая была крупнейшей в мире. Она составляла около 50% общего объема отраслевого производства (в иностранной валюте). И уже тогда Китайская национальная нефтегазовая корпорация (China National Petroleum Corporation – CNPC) решала, выгодно ли ей отправлять нефть из Казахстана в Китай, используя запущенные части нефтяного трубопровода Казахстан–Китай, или продавать ее через свои дочерние компании на международных рынках [9. С. 15–22]. Следовательно, в результате использования различных торговых схем, даже если продукция реализуется через дочерние предприятия и физически не пересекает границы Китая, показатели взаимной торговли действительно должны снижаться, ВВП Казахстана увеличиваться, а ВНД уменьшаться. Учитывая масштаб присутствия Китая в Казахстане, который, по некоторым данным, сильно занижен², можно предположить, что китайские собственники в реальности владеют очень значительным числом казахстанских активов.

Наиболее крупными приобретениями КНР в остальных странах ЦА за 2005–2017 гг. стали покупки долей в киргизской New Continental Oil & Gas (60%), таджикском золотодобывающем Zarafshan (75%). Информация по Туркменистану является наиболее закрытой, однако известно, что CNPC, начавшая работу в республике в 2002 г., инвестировала в 2014 г. в энергетику 600 млн дол. Возможно, речь идет об инвестициях

¹ Worldwide Chinese Investments & Construction (2005–2017). China Global Investment Tracker by Heritage Foundation.

² Михайлов С., Топалов А., Тодоров В. Зачем бояться китайцев / Газета.ру. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2014/10/17/6264369.shtml>.

в строительство комплекса объектов на месторождении Галкыныш. В Узбекистане за рассматриваемый период китайской Baiyin Non-Ferrous, CITIC & Chang Xin за 190 млн дол. приобретено 60% в капитале металлургического комбината Oxus, а в 2017 г. CNPC приобрела 50% Uzbekneftegaz.

Особо отметим, что крупнейшие инвесторы в регионе, такие как CNPC и Sinopec, согласно китайской государственной системе бюрократических рангов имеют министерский уровень значимости. При этом крупнейшие банки, финансирующие большую часть проектов ОПОП (China Development Bank и China Export-Import Bank) [9. С. 18, 52], фактически являются государственными и действуют в рамках заданного официальными властями политического курса.

Таким образом, приобретение в собственность долей ключевых национальных компаний ЦА стало новым форматом экономического проникновения Китая в регион.

Третьим каналом экономического проникновения можно считать огромные вложения Китая в развитие инфраструктуры региона, не связанные с получением доли собственности в активах стран ЦА. Так, с 2005 по 2017 г. общая сумма вложений китайской стороны в контракты по строительству в регионе составила 27,8 млрд дол. Речь идет о контрактах, которые заключены с китайскими компаниями.

Как и в случае с покупкой долей национальных предприятий, наибольшие вложения были сделаны в казахстанскую инфраструктуру. Общий объем инвестиций по крупным контрактам, заключенным с Казахстаном в рамках ОПОП в 2005–2017 гг., достиг около 12 млрд дол. Стоимость инфраструктурных контрактов, подписанных за тот же период с остальными странами ЦА, составила: в Киргизии – 3,5 млрд дол., в Таджикистане – 1,3 млрд дол., в Туркменистане – 6,2 млрд дол., в Узбекистане – 4,8 млрд дол.

Закономерно возникают вопросы: на каких условиях подписываются контракты, как они финансируются, какие обязательства берут на себя стороны? С прозрачностью информации по китайским инвестициям в регионе существует немало проблем. В полной мере ответы на эти вопросы, особенно об условиях, на которые соглашаются страны, в открытых источниках найти невозможно. Формат осуществления этих вложений зачастую тоже не озвучивается. По информации, которая публикуется в СМИ и данным различных исследований, можно предположить, что, предоставляя странам льготные кредиты¹, китайская сторона все больше настаивает на заключении ЕРС-контрактов (*от англ.* Engineering, Procurement and Construction).

ЕРС-контракты означают участие китайских компаний в реализации крупных инфраструктурных (энергетических, транспортных, строительных, промышленных) проектов как генеральных подрядчиков, когда подрядчик берет на себя весь комплекс работ, включающих проектирование, инжиниринг, закупки, строительство объекта и сдачу его под ключ. Заключение именно ЕРС-контрактов – типичная практика взаимоотношений CNPC и ее дочерних предприятий с компаниями нефтехимического профиля на пространстве ОПОП. К примеру, такая схема применена в отношениях CNPC с «Газпромом», когда подрядчиком работ является China Petroleum Pipeline – трубопроводное бюро CNPC². Та же схема была применена в контракте CNPC с компанией Туркменгаз по добыче газа месторождения Галкыныш и строительства туркменской части газопровода «Центральная Азия – Китай»³. Можно предположить, что вложения

¹ Долгосрочные кредиты по относительно невысокой стоимости и с льготным периодом погашения.

² «Газпром» и CNPC подписали ЕРС-контракт на строительство подводного перехода «Сила Сибири». URL: <http://www.gazprom.ru/press/news/2016/september/article282835/>.

³ CNPC and Turkmengaz ink an agreement on boosting natural gas shipments to China and a gas field EPC contract. URL: <http://klleasing.com/en/nr2013/201309/1b81b6a8106947d4a1c55b6699a9d03d.shtml>.

CNPC в экономике ЦА в 2005–2017 гг. (контракт с Kazakhstan Petrochemical¹ на сумму 1,3 млрд дол., контракты CNPC в Киргизии, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане на общую сумму 10,5 млрд дол.) также оформлены как ЕРС-контракты, которые были заключены на государственном уровне с одновременным подписанием кредитных соглашений.

Наш тезис о формате контрактов косвенно подтверждается исследовательским корпусом азиатской финансовой группы DBS, по данным которой в последние годы в рамках ОПОП Китай предпочитает использовать в проектах формат ЕРС-контракта. В свою очередь, страны, поддержавшие ОПОП, предлагают все больше бизнес-возможностей для китайских строительных компаний, выступающих генеральными подрядчиками по этим контрактам. По данным DBS, в 2016 г. китайские подрядчики подписали более восьми тысяч зарубежных контрактов в странах ОПОП. Общая стоимость новых глобальных инфраструктурных проектов по ОПОП достигла около 1,05 трлн дол. Из них 978 млрд дол. (92,9%) пришлось на развивающиеся страны, а энергетический и транспортный сегменты составили соответственно 37,1 и 28,7% общей стоимости новых контрактов [10. Р. 10–12].

Четвертым каналом экономического проникновения в регион можно считать подключение Китаем крупных ТНК (некитайских и неазиатских) к решению проблем избыточности своего промышленного потенциала и к форсированной реализации проектов в странах, поддержавших ОПОП. Для этого с крупными западными инжиниринговыми ТНК заключаются ЕСР контракты, ТНК осуществляют их технологическое сопровождение китайским подрядчикам, реализующим проекты в странах ОПОП. В качестве примера можно привести американскую ТНК Honeywell, производящую электронные системы управления и автоматизации, в том числе для нефтеперерабатывающей промышленности. Компания активно привлекалась китайскими подрядчиками еще до начала реализации ОПОП. Так, в 2009 г. китайская Huawei выбрала ее для автоматизации систем по проекту строительства газопровода с Узбекистаном, а в 2012 г. – по проекту линии «С» газопровода «Центральная Азия – Китай». В 2016 г. между Honeywell и Китайской международной ассоциацией подрядчиков была достигнута договоренность о поддержке инициативы ОПОП², после чего китайские компании стали еще активнее подключать Honeywell к реализации своих проектов³.

Примером подобной коллаборации является также европейский инженерный и электронный гигант Siemens. Руководство Siemens официально выразило намерение расширять сотрудничество с китайскими предприятиями в сфере проектирования, закупок и строительства на территории стран, поддержавших ОПОП⁴, на условиях ЕРС-контрактов, в которых подрядчиком по отношению к китайской стороне выступает уже Siemens.

Пятым каналом экономического проникновения Китая в рассматриваемый регион, на наш взгляд, можно считать кредиты, доступ к которым открыт для частных компаний, как вне крупных государственных соглашений, так и от китайских банковских гигантов: China Development Bank и China Export-Import Bank. Согласно используемой

¹ Полный цикл проектирования, закупок и строительства интегрированного газохимического комплекса в Атырауской области.

² Honeywell Explores International Growth Under China's "One Belt, One Road" Initiative. URL: <https://www.honeywell.com/newsroom/news/2016/06/honeywell-explores-international-growth-under-china-one-belt-one-road-initiative>.

³ См., например: пресс-релиз China's Wison Engineering Ltd о коллаборации с Honeywell UOP по ЕСР-контрактам ИПП (2017 г.).

⁴ Xin Zh. Foreign Firms, Too, Gain from Belt & Road / China daily. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201801/15/WS5a5bf304a3102c394518f247.html>.

схеме, частный бизнес может напрямую обратиться в китайские банки с запросом на получение кредита, самостоятельно найдя китайского ЕРС-контрактера, который станет подрядчиком будущего проекта. Эту практику можно рассматривать как меру поддержки Китаем своих национальных предпринимателей, которые таким образом привлекаются к участию в ОПОП.

Технически процесс получения кредитов иногда упрощается открытием китайскими финансовыми институтами кредитных линий в странах получателях. В этих случаях национальные заемщики привлекают китайских ЕРС-контрактеров, получая кредиты в местных банках с открытой кредитной линией от КНР.

Действенными мерами интенсификации китайского проникновения в страны ОПОП и в связи с этим *шестым каналом наращивания экономического присутствия Китая в странах ЦА* можно считать:

- созданную в 2015 г. платежную систему международных расчетов в юанях China International Payments System (иногда Cross-Border Inter-Bank Payments System – CIPS). Официально цель создания CIPS заявлена в качестве содействия глобальному использованию китайской валюты и продвижению инициативы ОПОП¹. Система является альтернативой SWIFT, к ней постепенно подключаются некитайские банки;

- двусторонние соглашения по валютным свопам, которые Китай уже много лет заключает со странами ОПОП. Стандартно это двусторонний договор с центральным банком на три года с правом пролонгации. Такие соглашения были подписаны с Казахстаном (2014 г.), Таджикистаном (2015 г.), Узбекистаном (2011 г.). Намерение о подписании соглашения по валютным свопам выразила Киргизия.

Найти обобщенную по странам ЦА информацию о форме обязательств, которые берут на себя руководства стран региона по контрактам ОПОП, на данный момент не представляется возможным. Вероятно, в большинстве своем эти отношения оформляются в виде кредитных соглашений под гарантии государства-реципиента, однако из материалов СМИ ясно, что иногда КНР предоставляет безвозмездную помощь². Между тем справедливо будет отметить, что недостаточная прозрачность информации относительно проектов ОПОП присуща не только странам ЦА. Американские исследователи отмечают, что вынуждены собирать из публикаций СМИ основную часть информации о том, насколько страны, связанные с КНР финансовыми обязательствами по инфраструктурным проектам ОПОП, подвергаются рискам банкротства. Уровень прозрачности вокруг финансирования проектов ОПОП недостаточный, большинство проектов остаются непроверенными, а следовательно, существует значительный риск неточности [7. Р. 25]. Тем не менее они провели исследование по 68 странам, вошедшим в ОПОП, и вычли из них 35 стран, которым Standard & Poor's, Moody's и Fitch Ratings присвоили инвестиционный рейтинг с низким риском долгового уровня. Из перечня оставшихся 33 стран вычли страны, которым МВФ и Всемирный банк не присваивают рейтинга бремени внешнего долга (в число исключенных попали Узбекистан и Туркменистан), а также Сирию и Йемен на основании того, что у проектов ОПОП там нет перспектив. В списке оставшихся 23 стран были выделены восемь, которые, по определению авторов, находятся на грани банкротства, в том числе вследствие их участия в инфраструктурных проектах, финансируемых ОПОП. В числе этих стран оказались Киргизия и Таджикистан.

В реализации описанной методики есть два, на наш взгляд, слабых места: во-первых, слишком большое число допущений и, во-вторых, серьезные проблемы

¹ China to Launch 2nd Phase of Cross-Border Interbank Payment System / China daily. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-06/22/content_29842105.htm.

² Например: Юе Бин: Китай ведет бескорыстную политику в отношении Таджикистана / беседа Д. Ульмасов; информ. агентство Avesta. URL: <http://avesta.tj/2016/12/20/60000/>.

с доступностью, достаточностью и достоверностью статистических данных по странам ЦА [3], особенно в Туркменистане и Узбекистане. Отсутствие этих республик в рейтинге МВФ и ВБ, возможно, свидетельствует о недостаточности статистической базы. Проведенный нами анализ географической структуры внешних кредитов в Казахстане [1. С. 20–22] привел к выводу о значительной офшорной составляющей в процессе кредитования страны и о том, что Китай не является самым крупным кредитором страны лишь формально. Таким образом, с выводами исследования можно согласиться, но как минимум с тремя оговорками.

1. Страны с относительно неплохими инвестиционными рейтингами от Standard & Poor's, Moody's и Fitch Ratings также могут быть весьма сильно связанными с Китаем кредитными обязательствами, даже если они скрываются в статистике из-за широкого применения схем благоприятных налоговых режимов. В ЦА это касается, в первую очередь, Казахстана. Как было выше отмечено, с 2005 г. Китай инвестировал в Казахстан более 30 млрд дол.

2. Риск банкротства Киргизии и Таджикистана вследствие их участия в проектах, финансируемых ОПОП, доказан. Однако если бы информация по Туркменистану и Узбекистану была более прозрачной, то в зону риска попало бы больше стран.

3. У республик региона уже накоплен определенный опыт решения проблем задолженности Китаю. В ряде случаев КНР долги списывала, реструктуризировала, переводила кредиты в безвозмездные гранты, получая в обмен на долги важные месторождения в долгосрочную аренду. Есть и другой опыт. Так, например, Таджикистан в 2011 г. уступил Китаю 1,2 км² своей территории. В каждом конкретном случае исход предопределяла экономическая дипломатия. И пока Китай не перешел к более активному политическому вмешательству в судьбы стран, вошедших в проект ОПОП, решения по проблемным кредитам стран должников будут приниматься в переговорах, формат которых, вероятнее всего, будет закрытым для общественности.

Согласно данным открытых источников, в 2017 г. доля Китая во внешнем государственном долге Казахстана¹ достигла 10% (4,1 млрд дол.²), Киргизии – 41,7% (1,7 млрд дол.³), Таджикистана – 41,4% (1,2 млрд дол.⁴). Для общего анализа уровня внешней задолженности стран ЦА обратимся к данным Всемирного банка (табл. 3).

Цифры по Узбекистану и Туркменистану, скорее всего, носят оценочный характер, тем не менее на основе данных таблицы можно сделать определенные выводы. С 2008 по 2016 г. совокупный внешний (государственный и негосударственный) долг по отношению к ВНД вырос: в Казахстане – с 93,5 до 135,1%, в Киргизии – с 73,5 до 125,3%, в Таджикистане – с 48,8 до 59,7%, в Узбекистане – с 16,2 до 23,8%. В Туркменистане этот показатель снизился с 40,5 до 14,8%.

Мы предполагаем, что рост внешнего долга, по сравнению с ВНД, в Казахстане и Киргизии мог произойти как из-за значительного перехода национальных активов иностранным собственникам, так и из-за широкого применения схем уменьшения налогооблагаемой базы. К примеру, на конец III квартала 2017 г., по данным Нацбанка Казахстана, 62,3% внешнего долга республики приходилось на межфирменную задолженность (прямые инвестиции).

Заметное уменьшение объема внешней задолженности Туркменистана скорее всего свидетельствует о неадекватности данных, предоставляемых республикой (или ввиду отсутствия данных о неадекватности оценки специалистами МВФ и ВБ), поскольку известно о китайских инвестициях в размере около 18% ВНД (17% ВВП), не связанных

¹ Данные за III квартал 2017 г.

² Национальный банк Казахстана. URL: <http://www.nationalbank.kz>.

³ Министерство финансов Кыргызской Республики. URL: <http://www.minfin.kg>.

⁴ Министерство финансов Республики Таджикистан. URL: <http://minfin.tj>.

с приобретением собственности (CNPC вложила в газовый сектор Туркменистана 6,2 млрд дол.). Ранее отмечалось, что официальные структуры Туркменистана часто распространяют сведения, противоречащие источникам, на которые они же и ссылаются [3].

Таблица 3

**Показатели внешнего государственного долга стран Центральной Азии
в 2008–2016 гг., %**

Страна	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Отношение внешних долговых обязательств к ВНД									
Казахстан	93,5	106,9	92,6	75,4	75,3	70,8	79,3	88,7	135,1
Киргизия	73,5	91,4	91,7	99,0	93,6	98,4	101,4	117,0	125,3
Таджикистан	48,8	54,3	51,1	47,2	47,4	43,6	45,3	53,3	59,7
Туркменистан	40,5	35,4	25,6	17,2	15,8	14,1	10,2	11,8	14,8
Узбекистан	16,2	20,3	19,3	17,4	16,9	17,5	20,2	21,7	23,8
Отношение государственного долга к ВНД									
Казахстан	1,7	2,4	3,0	2,8	4,1	5,8	7,6	11,6	17,7
Киргизия	39,8	51,4	54,4	47,3	44,1	42,6	45,1	52,9	56,7
Таджикистан	26,9	32,7	25,9	23,7	20,5	18,1	17,8	20,8	22,8
Туркменистан	32,2	24,4	17,4	10,1	8,5	7,8	6,6	6,9	6,8
Узбекистан	10,2	9,5	8,4	7,9	7,4	7,2	8,4	9,5	10,8
Доля государственного долга во внешнем долге									
Казахстан	1,8	2,3	3,2	3,8	5,5	8,2	9,6	13,1	13,1
Киргизия	54,1	56,3	59,3	47,7	47,1	43,3	44,5	45,3	45,2
Таджикистан	55,1	60,2	50,7	50,1	43,3	41,4	39,4	39,1	38,2
Туркменистан	79,4	69,0	67,9	58,4	53,7	55,4	64,0	58,1	46,3
Узбекистан	62,9	46,5	43,9	45,3	43,7	41,0	41,8	43,9	45,7

Рассчитано по: The World Bank Statistics. DEBT DATA. 2018 International Debt Statistics. URL: <http://datatopics.worldbank.org/debt/ids/>.

Доля государственного (в том числе гарантированного государством) долга в структуре совокупного внешнего долга за рассматриваемый период выросла в Казахстане с 1,8 до 13,1%. В остальных странах ЦА этот показатель заметно снизился: в Киргизии – с 54,1 до 45,2%, в Таджикистане – с 55,1 до 38,2%, в Туркменистане – с 79,4 до 46,3%, в Узбекистане – с 62,9 до 45,7%. В Казахстане госдолг составляет сравнительно малую долю общего объема внешней задолженности. С учетом этого положительная динамика показателя говорит о том, что доля внешних обязательств, не попадающих под государственные гарантии, относительно государственного долга уменьшилась. Вместе с тем даже с учетом роста доля государственных обязательств в размере 13,1% общей суммы внешнего долга Казахстана все же подтверждает наш предыдущий вывод. Во всех остальных республиках, по данным Всемирного банка, доля государственного долга в структуре общей задолженности уменьшилась и стала менее 50%. Рост задолженности резидентов республик перед внешними кредиторами, возможно, свидетельствует об увеличении объемов иностранного заемного капитала.

Заключение

Китай, используя традиционные каналы расширения экономического присутствия в ЦА, применяет также новые более сложные функциональные схемы выстраивания производственных отношений и современные финансовые инструменты.

Наращивание взаимодействия Китая со странами ЦА по традиционному каналу торгового сотрудничества замедлилось. За годы своего присутствия в регионе Китай

приобрел доли (иногда контрольные) в ключевых компаниях нефтегазового, промышленного, строительного и финансового секторов.

Основной формой китайских инвестиций в проекты ОПОП в странах ЦА, не связанных с приобретением доли собственности, являются ЕРС-контракты. Китайские корпорации выступают генеральными подрядчиками, отвечающими за весь комплекс работ, включая проектирование, промышленный инжиниринг, автоматизацию, закупки, строительство объекта под ключ. При этом китайские подрядчики все больше склонны привлекать западные ТНК, которые являются лидерами в области инженерных достижений и технологий, обладающих собственной сетью филиалов и достаточной административно-управленческой базой в странах региона. Таким образом средства, которые китайская сторона инвестирует в проекты в странах ОПОП, по ЕРС-контрактам она же и осваивает. В случае привлечения к выполнению работ по проектам некитайских высокотехнологичных ТНК или компаний, в которых китайской стороной уже приобретены значительные доли собственности, статистически эту информацию достаточно непросто отследить, поскольку привлеченные компании являются резидентами в странах ОПОП. Фактически освоенные китайцами деньги могут учитываться в ВВП того государства, в котором они были заработаны.

Дополнительными каналами укрепления экономического присутствия Китая в регионе ЦА являются: выделенные региональными банками кредитные линии; непосредственное кредитование корпоративного сектора банками Китая; подписание соглашений со странами региона о валютных свопах; подключение финансовых институтов стран ОПОП к платежной системе CIPS.

Источники

1. Глинкина С. П., Тураева М. О., Яковлев А. А. Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба Евразийского союза: доклад. М.: ИЭ РАН, 2016.
2. Есин Р. О. Современный регионализм: новые направления в теории // Проблемы управления. 2009. № 3 (32). С. 170–182.
3. Тураева М. О. Итоги 25-летия независимости Туркменистана: сохранять нейтралитет все труднее // Постсоциалистический мир: итоги трансформации / под общ. ред. С. П. Глинкиной: в 3 т. СПб.: Алетейя, 2017. Т. 2. Постсоветские государства. С. 182–208.
4. Cai P. Understanding the Belt and Road Initiative / Lowy Institute for International Policy. URL: <https://www.lowyinstitute.org/publications/understanding-belt-and-road-initiative>.
5. Economy E. C., Levi M. By All Means Necessary: How China's Resource Quest is Changing the World. N. Y.: Oxford University Press, 2014.
6. Ghiasy R., Zhou J. The Silk Road Economic Belt: Considering Security Implications and EU–China Cooperation Prospects. Stockholm International Peace Research Institute, 2017.
7. Hurley J., Morris S., Portelance G. Examining the Debt Implications of the Belt and Road Initiative from a Policy Perspective // CGD Policy Paper 121. 2018. March.
8. Isard W. History of Regional Science and the Regional Science Association International. Springer, 2003.
9. Jiang J., Sinton J. Overseas Investments by Chinese National Oil Companies: Assessing the Drivers and Impacts: Information Paper. P.: International Energy Agency, 2011.
10. Miu R., Chong T-S, Leung C. One Belt, One Road – Moving Faster Than Expected // DBS Asian Insights. 2017. Sept.

Channels of Chinese Capital Penetration to the Central Asian Countries within the Framework of the Belt and Road Initiative

by Madina O. Turaeva, Svetlana P. Glinkina and Artem A. Yakovlev

The research pursues the question of evaluating the scales of the actual presence of Chinese capital in the Central Asian economies. The article reviews traditional and new channels used by China to enhance its presence in Central Asia within the framework of the Belt and Road Initiative. The methodological basis of the work is the classical and modern concepts of economic science. The solution of the tasks set within the study preconditioned the application of an interdisciplinary approach, the use of the scientific framework of related disciplines, as well as general and specific methods of research aimed at identifying trade and non-commercial channels for the penetration of Chinese capital into the region. In addition, the article discusses statistical discrepancies in recording of the scales of China's actual presence in the Central Asian region. The research findings demonstrate that cooperation in trade is weakening, the focus shifts towards the channels related to new technologies, particularly to acquiring controlling interests in the strategic regional companies, EPC contracts for infrastructure projects, as well as outsourcing services provided to large Western multinationals, which have an extensive network of branches and significant administrative base in the countries of the region. Finally, the authors conclude about the debt burden of the Central Asian countries to China and validity of fears related to some of the republics being at the edge of bankruptcy.

Keywords: public debt; EPC contract; trade; natural resources; infrastructure; Central Asia; China; the Belt and Road Initiative.

References:

1. Glinkina S. P., Turaeva M. O., Yakovlev A. A. *Kitayskaya strategiya osvoeniya postsovetskogo prostranstva i sud'ba Evraziyskogo soyuza: doklad* [Chinese strategy for the development of the post-Soviet space and the fate of the Eurasian Union: A report]. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2016.
2. Yesin R. O. Sovremennyy regionalizm: novye napravleniya v teorii [Modern regionalism: New directions in theory]. *Problemy upravleniya – Problems of Management*, 2009, no. 3 (32), pp. 170–182.
3. Turaeva M. O. Itogi 25-letiya nezavisimosti Turkmenistana: sokhranyat' neytralitet vse trudnee [The results of the 25th anniversary of independence of Turkmenistan: Keeping neutrality is getting more difficult]. In: Glinkina S. P. (ed.) *Postsotsialisticheskiy mir: itogi transformatsii. T. 2. Postsovetskie gosudarstva* [Post-socialist world: The results of the transformation. Vol. 2. Post-Soviet States]. Saint Petersburg: Aleteyya Publ., 2017, pp. 182–208.
4. Cai P. *Understanding the Belt and Road Initiative*. Lowy Institute for International Policy. Available at: <https://www.lowyinstitute.org/publications/understanding-belt-and-road-initiative>.
5. Economy E. C., Levi M. *By All Means Necessary: How China's Resource Quest is Changing the World*. N. Y.: Oxford University Press, 2014.
6. Ghiasy R., Zhou J. *The Silk Road Economic Belt: Considering Security Implications and EU-China Cooperation Prospects*. Stockholm International Peace Research Institute, 2017.
7. Hurley J., Morris S., Portelance G. Examining the Debt Implications of the Belt and Road Initiative from a Policy Perspective. *CGD Policy Paper 121*, 2018, March.
8. Isard W. *History of Regional Science and the Regional Science Association International*. Springer, 2003.
9. Jiang J., Sinton J. *Overseas Investments by Chinese National Oil Companies: Assessing the Drivers and Impacts: Information Paper*. P.: International Energy Agency, 2011.
10. Miu R., Chong T-S, Leung C. One Belt, One Road – Moving Faster Than Expected. *DBS Asian Insights*, 2017, Sept.

Contact Info:

Madina O. Turaeva, Dr. Sc. (Econ.), Lead Researcher
Phone: (499) 129-09-77
e-mail: 319@transecon.ru

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
32 Nakhimovsky Ave., Moscow, Russia, 117218

Svetlana P. Glinkina, Dr. Sc. (Econ.), Prof.,
Scientific Supervisor of the “International
Economic and Political Studies” research
programme

Phone: (499) 129-09-77

e-mail: 319@transecon.ru

Artem A. Yakovlev, Jr. Researcher

Phone: (499) 129-09-77

e-mail: 319@transecon.ru

Institute of Economics of the Russian Academy
of Sciences

32 Nakhimovsky Ave., Moscow, Russia, 117218

Institute of Economics of the Russian Academy
of Sciences

32 Nakhimovsky Ave., Moscow, Russia, 117218

Ссылка для цитирования: Тураева М.О., Глинкина С.П., Яковлев А.А. Каналы проникновения китайского капитала в республики Центральной Азии в рамках инициативы «Один пояс – один путь» // Известия Уральского государственного экономического университета. 2018. Т. 19, №4. С. 64–78. DOI: 10.29141/2073-1019-2018-19-4-5

For citation: Turaeva M. O., Glinkina S. P., Yakovlev A. A. Kanaly proniknoveniya kitayskogo kapitala v respubliki Tsentral'noy Azii v ramkakh initsiativy “Odin poyas – odin put” [Channels of Chinese capital penetration to the Central Asian countries within the framework of the Belt and Road Initiative]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta – Journal of the Ural State University of Economics*, 2018, vol. 19, no. 4, pp. 64–78. DOI: 10.29141/2073-1019-2018-19-4-5